

Леонид Каневский в окружении дочери Наташи и жены Анны

Каневского знает вся Россия. Не только благодаря майору Томину, которого любил нормальный человек на его месте давно бы возненавидел (ну, как Дойл возненавидел Холмса, подмывавшего всех прочих его героев). Каневский — это и «цигель, цигель, ай-лю-лю» в «Бриллиантовой руке», и гомерический господин Бонасье в «Трех мушкетерах» Юнгвальд-Хилькевича, и Гуревич в Театре на Малой Бронной, в знаменитых ерофеевских «Шагах командора» — самом страшном и веселом спектакле тех лет. Положим, теперь он живет в Израиле, но, как говорил другой киногерой, «этот может жить хоть в Африке». Любить и помнить будут все равно.

ДМИТРИЙ БЫКОВ

Тут он недавно приехал сниматься в возрожденных «Знатках» — уже без Эльзы Леждей в образе эксперта Кибрит, с новой красивой экзотической Китаевой. Снимал этих новых «Знатков», то есть «двадцать первое дело», Владимир Хотиненко. Аж тут как был большой, журналисты осаждали площадку, и поговорить с Каневским не было никакой возможности. Пришлось ждать, пока он уйдет в Израиль, а там его не болно-то поймаешь: он сутками занят в театре.

«Дунать по-русски до конца дней не перестану»

— Леонид Семенович, извините, что начнем не с вопроса о вас, а с положения дел в Израиле. Я тут недавно прочел, что многие выходцы из России думают чуть ли не о возвращении — вся страна мобилизуется, опасность терактов возросла многократно... Думали спасители от армии, а тут...

— Н-н-ну, знаете! Если ты думаешь спастись от армии в Израиле... это все равно как от дождя спастись в море. Другую страну надо выбирать, если не хочешь служить. Тут служат все, это норма. Не слышал я что-то о таких случаях, чтобы кто-то испугался терактов и захотел вернуться. Израиль в таких условиях живет с момента своего появления на карте, тут довольно высокий градус жизни, напряжение особое. Но назвать это паникой? Театры и кинотеатры полны, народ в кафе и ресторанах сидит...

— Это тоже может быть формой паники. — Да нет, просто тут жизнь такая. Насущным вопросом, например, становится смена противоза на более современный. Война? Так тут живут всегда в соседстве и на грани войны, всегда с ощущением риска, это и тонизирует, если хотите! Народ очень охотно в армию идет, несколько тысяч из моих знакомых семей предлагали за границей учиться — не хотят учиться, хотят привозиться! Другое дело, что страна маленькая, каждый человек на счету. Это не наш необъятный простор, где человек до недавнего времени просто терялся. Что такое была в семидесятых годах какая-нибудь техногенная катастрофа? О ней и не узнавал никто! Это сейчас в России постепенно учатся каждую смерть, каждый несчастный случай воспринимать как национальную трагедию. В Израиле так было всегда, гибель каждого становится событием для всех. Чрезвычайно сплоченный народ, при всей своей фантастической пестроте. Никакие политические разногласия, никакие споры не отменяют этого.

— Что труднее всего? — Ну, тут и язык, которым я до сих пор владею отнюдь не в совершенстве (думать по-русски до конца дней не перестану), и среда, и все что хотите. Кстати, актеру-то язык учиться легче, он роли учит, память должна быть профессиональная... «Очень жалею, что последние годы так мало общался с Леждей»

— А как вы роли учите, кстати? — Профессиональные народы ботки, они в студенчестве закладывая пишешь опорные слова, запоминаешь вокруг них... Так что артисту выучить язык — не драма, к тому же у меня жена филолог. В смысле климата, кстати, Израиль никаким трудностей для меня не представляет, человек должен жить в тепле — мне так кажется. Что до ностальгии... Ностальгия особенной нету, враг не буду. Во-первых, я постоянно езжу в Москву, бываю там ежегодно. Постоянно ведутся переговоры о том, чтобы нам с театром приехать — мы уже и в Европе были, и в Штатах, и везде с успехом, — но все упирается в деньги. Мы все, кстати, очень этого хотим — показаться в России; у нас половина спектаклей идет и по-русски, и на иврите. А тем, кто много говорит о ностальгии, я не очень верю. В конце концов, если у тебя такая ностальгия — то, как сказал Шолом-Алейхем, продай последнюю рубашку, и вперед! Кто держит?

— У вас, по-моему, всегда был страшный дефицит положительных ролей, преследовал вас какой-то криминальный типаж... Если не считать Томина, конечно. В Израиле это положение выправилось?

— Тут вы правы, даже самый положительный мой персонаж — отважный борец с режимом Гуревич из «Шагов командора» — был хроничес-

Леонид Каневский

кий алкоголик. Правда, это у него была скорее форма... не протеста даже, а творчества. — Да, это был мощный такой еврейский Макмерфи. Я в этой роли впервые вас увидел на сцене. — Что ж вы так долго ждали? Я до него двадцать пять лет играл! — Пардон, я был маленький. — Маленький он был... «Весельчаков» надо было смотреть, да мало ли было всего... Но действительно, отрицательный типаж меня преследовал. Я и здесь сыграл не так много хороших людей.

— Про вас со Знаменским, то есть с Мартынюком, ходила такая хохма: будто бы вы на сцене однажды появились в качестве уголовников, причем вместе, и зал лег... — Ну, насчет «лег» — это преувеличение. Но всякий раз, когда открывался занавес и нас узнавали — в зале возникал некоторый приятный шумок. Это были «Белые флаги» по Думбазде, где Герка действительно играл уголовника по кличке Лимон, а я был старостой камеры. Забавный такой эксперимент, да... У нас с Геркой вообще странные бывают совпадения, судьба нас продолжает связывать и после «Знатков». Например, играем мы здесь

«Идиота»: я там Епанчин, характерная такая роль, очень симпатичная. А Герка того же Епанчина играет на Малой Бронной, в спектакле Женовача. Никуда друг от друга не денешься.

— Мы нигде, конечно, не уйдём от темы майора Томина. — А что от него уходите? Я люблю майора Томина.

— Двадцать лет вы им, по сути, были. Он вас не подмал? — «Был» — тоже сильно сказано. Не был, конечно: снимали мы с довольно большими «окнами», раз в год, в полтора, я много чего успевал, кроме майора. Во-первых, это была замечательная команда, прекрасные человеческие связи — я очень жалею, что в последние годы так мало общался с Эльзой Леждей, она много болела, мы почти не виделись. Я любил «Знатков» потому, что там снимались классные артисты. Я любил майора Томина — потому что его сделал из меня, писали все серии, исходя из моих данных. Прототипа не было. У Знаменского, скажем, был — следователь Борис Мудрый, прекрасный человек и большой профессионал. И потом, детектив вообще хорошая штука, в нем всегда интересно попробовать себя...

— Но у вас не возникало ощущения, что следователь в смысле обаяния и даже в смысле интеллекта всегда проигрывает уголовнику? Что самые интересные и талантливые люди в советском союзе были именно вот эти замечательные, интеллектуальные, вальжанные бандиты? — Э, нет, это вы меня толкаете на провокативное утверждение, что самые талантливые люди в СССР шли в бандиты. Я таланта этих подпольных типов не отрицаю, они уж точно были одаренные и интеллектуальные нынешних, потому что придумывал в тех условиях работающую бизнес-схему и оставался в пределах легальности — это требовало фантастической, изощренной хитрости. Но сказать, что вот с одной стороны талантливые бандиты, а с другой — скучный и тупой следователь... нет! Это были следователи высочайшего класса, а я счастлив, что успел поработать и познакомиться — еще в семидесятые годы — с настоящими людьми. Да, они зверели, конечно. И им очень мало платили. И они постоянно рисковали, и не только с бандитами враждовали, а и с собственными начальством. Но это были люди настоящие, действительно знатоки — мы ведь в сериале стреляли мало. Мы мозгами шевелили.

— Интересно, как вы в этой связи относитесь к «Ментам»? — Сами «менты» — классные артисты, а с ними познакомился на фестивале в Юрмале, и мы общались замечательно. Органика у них фантастическая, они совершенно живые на экране, и это вообще очень интересный проект. Губят его — не губят даже, а мешают — две вещи: во-первых, поток. Мы все-таки снимали не больше одного «дела» в год. Во-вторых, зритель требует, чтобы был экшн, действие: жанр другой. Меньше надо распутывать и хитрить, больше стрелять. Но они своим личным обаянием все равно вытягивают проект на вершину события. Может быть, главного телевизионного события. И потом, экшн — это неплохо, скажу вам как человек театральный, потому что израильский, скажем, зритель тоже не терпит медленных, «разговорных» спектаклей. Темперамент у него такой, он взрывного действия требует, музыки, неожиданности... Чехов в Израиле совершенно не идет — бьемся, бьемся, а не ловит зритель эту волну. Поставили «Трех сестер»: по-моему, сильный был спектакль. Пять премьерных показов — аншлаги, дальше — спад. И сняли. У нас если не аншлаги — значит, неудача. Полупустого зала не бывает.

— Как я был счастлив, что дочь пошла не в театральную? — Как вам с Хотиненко работало? Он же реанимировал «Знатков»... — Ну уж и реанимировал: они благополучно себе жили, показывались, повторялись, брали какие-то места в рейтингах зрительских... почти рекорд, в общем. Но Хотиненко своим мощным энергетическим посылом действительно вложил в сериал какое-то новое содержание. Он человек с чутьем, это редкость даже среди хороших режиссеров. С драйвом. И вообще, скажу вам, какое наслаждение говорить на площадке по-русски! А Знаменский и Томина... ну что, они не изменились в главном. И у них, и у спектакля все та же форма. Ничего в этой форме плохого нет. Что касается содержания — десять лет мы все прожили, значит, не могли не измениться.

— А говорят, что эти десять лет были для России губительны... — Кто говорит? Покажите мне этого человека! Они были трудны, но спорит. Особенно трудны вначале — вначале всегда

Леонид Каневский

хуже всего, кислее как-то. Но у людей, по крайней мере, появилось... вот тут важный момент, я подчеркнул бы это: сказать, что жизнь началась прекрасная — это сильно преувеличение. Но у них появилось представление о том, какой должна быть жизнь. Направление появилось, куда двигаться. А это великое дело: знать, что можно жить достойно, свободно, что можно оставаться державой и стареющей, мобильной страной... Посмотрите на Москву: другой город! Темп жизни другой, урбаниз, лица

— насколько меньше зависти, злости, столкновений из-за ерунды! Это вранье все, что у нас тут при советской власти была идиллия, дружба, братство: на глянецовой поверхности все выглядело так, а сколько сил уходило на всякую чушь, на любую бездарную мелочь! Какие были стычки, сколько злости вытеснялось на низовой, межчеловеческий уровень отношений! Нет, это были самые важные годы. И чем дальше они будут, тем лучше будет видно, что они значили...

— Героем моего детства вас сделал не Томина, а Фикс. Помните — «Проделки Фикса, ну и ну! ЕСТЬ ли у меня план? У меня есть три плана!» — Ой, как я рад, что вы это помните! Это была одна из самых счастливых моих работ. Сделали австралийцы большой мультесериал — «Вокруг света за восемьдесят дней»; его у нас купили году в восьмидесятом, стали озвучивать — а в те годы довольно часто занимался дубляжом, — и мне позвонила женщина-режиссер, хорошая знакомая: приезжайте посмотреть, кого я для вас подобрала. Я приехал, и передо мной оказался прелестный типус, такой толстый комический злодей: как мы веселились все, озвучивая этот мультфильм! Он и внешне на меня очень похож, в смысле нося...

— В кино вы не снимались в Израиле? — Почему не снимался, пять ролей сыграл... но кинематограф израильский, конечно, пока еще не заявил о себе по-настоящему. Есть израильская литература, израильский театр — но своего национального кинематографа нет, он как-то распадается на отделе-

«Вообще, конечно, артист — это профессия не для белого человека. Актерский талант — это клеймо: ты обречен на конфликты из-за сущей ерунды.»

ные удачи. Думаю, все упирается опять-таки в деньги: будет много фильмов — будут и шедевры. Хотя в нынешней России на фоне относительного малокартинья есть все-таки грандиозные удачи. Есть определенный, со своим лицом новый кинематограф тридцатилетних. Первый признак того, что страна отнюдь не в упадке... — Вы режиссеру Виталию Каневскому не родственник? — Знаком, конечно, но общих корней нет. Хотя все Каневские — вероятно, друг другу не чужие...

— Я более-менее представляю вашу актерскую биографию, но совершенно не знаю, как вы попали на сцену. — Ну, уж это стыдно, юноша. Все знают, что я Шуккинское окончил. Курс Веры Константиновны Львовой. А преподавали у нас звезды, классики — Яков Смоленский, Цейцлия Мансурова... — Вы с первого раза поступили?

— Даже, можно сказать, ни с какого. Они приехали к нам в Киев на гастроли, Вахтанговский театр, я пошел и показаться. И прошел. — Вас сейчас дома не поймаешь: репетируете что-то новое? — Да, выпустили хит — «Сон в летнюю ночь». Я там Тезей. Вообще сейчас чуть не каждый день на сцене. — Устаете сильно? — Вообще, конечно, артист — это профессия не для белого человека. Вот у меня дочь Наташа, сценограф, свободный художник. Она окончила университет, и как же я был счастлив, что не театральное училище! Хотя театральная профессия — тоже профессия не для белого человека... В том смысле, что театр — это всегда дикое напряжение и всегда нервы. Этим должны заниматься в строгом смысле слова больные люди. Те, кто без этого не может и ни в какой другой роли себя не мыслит. Актерский талант — это в каком-то смысле клеймо: ты обречен на этот ритм жизни, на это напряжение, эти конфликты из-за сущей ерунды — вокруг искусства всегда происходят конфликты даже более острые, чем вокруг денег, поэтому что каждый прав, конечно, и каждый знает, как надо... Нет, это я могу пожелать только одержимому.

— Есть у вас любимые места в Израиле? — А как же. Тель-Авив. В нем и живу. Я привык жить в больших

городах, он мне напоминает и Москву, и Киев — все столицы неуловимо похожи... — Многие говорят, что, посетив Израиль, уверовали. Прямо видно, что все так и было. Что, это действительно Святая Земля? — Знаете, я не атеист, но и верующим себя назвать не могу: это слово просто так не говорится. И тут странное такое чувство... да, действительно, идешь по Иерусалиму, где всегда очень много молящихся, — и понимаешь, что две тысячи лет назад тут разыгрывались все эти события. То есть видишь ожившую и очень убедительную иллюстрацию. И в Иерусалиме я жить бы не смог, нет.

— Почему? — Ответственность слишком большая. Соответствовать надо. Помните анекдот, как американский президент хотел позвонить Господу Богу, и из Иерусалима оказалась дешевле всего? «У нас тут прямая связь.»

— Почему не снимался, пять ролей сыграл... но кинематограф израильский, конечно, пока еще не заявил о себе по-настоящему. Есть израильская литература, израильский театр — но своего национального кинематографа нет, он как-то распадается на отделе-

— Почему не снимался, пять ролей сыграл... но кинематограф израильский, конечно, пока еще не заявил о себе по-настоящему. Есть израильская литература, израильский театр — но своего национального кинематографа нет, он как-то распадается на отделе-

фото на развороте Максима Бурлака

ЛЕОНИД КАНЕВСКИЙ: Я ДАЖЕ ОБЛЮБИЛ МАЛОГО РАТТОМИНА, ПОТОМУ ЧТО ЕГО СДЕЛАЛИ ИЗ МЕНЯ

Собеседник, 2001-11-24, стр. 12-13. 24.10.01 Каневский Леонид